

ЛУГА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

г. Луга
1958 г.

Настоящий
сборник
выпускается
к 40-летию
газеты

«Крестьянская правда»

Издание районной газеты «Крестьянская правда»
Лужского района, Ленинградской области
Город Луга

Редакционная коллегия: С. Л. КАМИНЕР (редактор), А. В.
САПАРОВ, М. М. САМОДУМОВ, И. П. АНТОНОВ.

Подписано к печати 20.VII-1958 г. М—00000, тираж 1000
Бумага 60×92¹/₁₆, 2 бум. листа, 4 печ. листа. Зак. № 1705
Лужская типография, г. Луга, пр. Урицкого, 45

И. АНТОНОВ

ЛУГА

Так и было,
Так и было.
Вьюга бешеная выла.
Без наград и эполет,
С пылким сердцем, непреклонный,
В песню русскую влюбленный,
Ехал изгнанный поэт.

Город с пышными балами,
С царским гневом и дворцами
Оставался позади.
Впереди: холмы да вьюга,
Городок почтовый Луга,—
Вся Россия впереди.

Не в пути ли, шутки ради,
Записал поэт в тетради
Вдохновенною строкой
О тебе, былой, невзрачной,
Неустроенной и мрачной,
Луга, с тескою рекой?

Вот она, страничка эта,
Слово вещее поэта,
Правда горькая Руси,
И любимой, и убогой,
С заметною дорогой,
С зябким трепетом осин,

С размежеванною пашней...
Оглянись на день вчерашний,
Незабвенный город мой.
О тебе поэт чудесный
Написал не очень лестно,
Но правдиво и с душой.

«Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего».

Что он мог увидеть в Луге?
Деревянные лачуги,
В рваных шубах мужиков,
Крест да галку на соборе
И, на радость злого горя,
Сорок лужских кабаков.

В этой древности глубокой
Ты была не одинокой.
Хуже можно бы найти.
Но в большой судьбе поэта
Русь, не видевшая света,
Лугой встала на пути.

Луга, Луга, в дымке синей
Вместе с матерью-Россией
Ты жила одной судьбой,
С человеческой печалью,
С заметной снегом далью,
С ясной пушкинской мечтой,

С верой чистой и глубокой
В то, что сгинет век жестокий
Не по манию царя,
И над Родиной свободной,
Как мечтал певец народный,
Вспыхнет яркая заря!

Героем дня
Стал каменщик и плотник,
Чтоб раны огневые залечить.
И ты, мой город,
Вышел на субботник
Пилить дрова и разбирать кирпич.

На берегу реки
Построив дачи,
Восстановив свой Тигельный завод,
Ты стал учить детей
Решать задачи,
Расти и хорошеть из года в год.

Песок и грязь
Асфальтом покрывались.
Болотный переулок
Стал сухим.
И школьники тебя не узнавали,
Когда читали Пушкина стихи.

Крепя страну по Ленинским заветам,
Предотвращая черный день войны,
Мы шли вперед
Шагами пятилеток
На праздник Мира,
Дружбы и Весны.

Луга, Луга,
Город мой сердечный!
С шелестом ветвистых тополей,
С Кировским проспектом
И Заречной,
С тенью и прохладою аллеи!

Собери сегодня в каждой школе
Наших любознательных детей,
Расскажи им
О суровой доле,
О большой истории своей.

Чтобы наши славные ребята,
Сделав шаг
На школьное крыльцо,
Берегли свою Отчизну свято
По примеру братьев и отцов.

Расскажи ребятам
Сокровенно
Песней откровенною моей
О великом подвиге военном
Дочерей своих и сыновей.

* * *

Враги, в который раз
Покой нарушив,
С безумной злобой
Хищного зверья,
Смертельный груз
На Родину обрушив,
Рванулись
К колыбели Октября.

Стоящий на дороге
К Ленинграду
Наш город встал
На огненный рубеж.

Он с тыла разрывал
Кольцо блокады
И прятал партизанские отряды
В сосновый бор,
В дремучий лужский лес.

И молодость его
В бору сосновом,
Вдыхая грудью
Запах смоляной,

Училась мстить
И мыслить у Петровой,
У лужской русской
Девушки простой.

Да, было так:
От матери и крова,
Когда ворвались
В город наш враги,
Ушла в родной
Осенний лес Петрова,
Обутая в мужские сапоги.

У партизан,
В густом бору сосновом,
И на речном
Песчаном берегу
Росли и крепили
Мужество Петровой
И ненависть к заклятому врагу.

И у костра,
И в боевых походах
Наградой было дочери твоей
Глубокое признание народа,
Любовь подруг
И боевых парней.

В цветном, осеннем
Сказочном наряде,
С землянками
И гарью смоляной,
Лес был суров,
Суров и беспощаден
И бдителен, как зоркий часовой.

И недоступный,
И непокоримый,
И грозный у песчаных берегов,
Он даже в красоте неповторимой
Был страшен
Для озлобленных врагов.

Он помнит все —
О чем она мечтала,
Как враг обрушил
Яростный свинец,
И в шквале
Раскаленного металла
Схлестнулись сталь
И мужество сердец...

И падая,
И поднимаясь снова,
Она не отступила.
Шла вперед.
...В бою погибла
Девушка Петрова,
Но память о Герое не умрет.

* * *

На родном и кровном пепелище,
В городе, разрушенном врагом,
Возродили мы свои жилища
Коллективным слаженным трудом.

Город мой, ты стал милей и краше!
Не напрасно,
Кто здесь отдохнет,
Искренне, от сердца
Лугу нашу
Северной Ливадией зовет.

Ты не только дачами богата,
С зеленью сиреневых кустов,
Тонны золотистого салата,
Помидор, капусты, огурцов —

Ты растишь с любовью и заботой
На полях, забывших о меже.
Много впереди еще работы,
Но немало сделано уже.

Сделались историей далекой
Пушкина нелестные слова
О тебе, мой город, синеокий,
Новая теперь идет молва.

Чтоб расплавить медь — прочней, чем камень,
Нужен тигель — ты его даешь!
Каждый год скребловскими садами,
Украшая Родину, цветешь.
И среди бесчисленных подарков
К юбилею Родины своей,
Есть подарки с нашей лужской маркой —
Труд твоих сынов и дочерей.

Ты не зря, работая, училась
Шлифовать и плавить,
Ткать и шить.
К празднику, смотри, как нарядилась,
Как тебя, мой город, не любить!

Родины богатства умножая,
Славя неустанный
Честный труд,
Город свой
На праздник Урожая
Лужские колхозники зовут.

Уж давно о тяжелой доле женской
Песен в наших селах не поют.
Изменились в жизни деревенской
И судьба людей, и быт, и труд.
«По четыре тонны от коровы
Молока парного надоить!» —
Таково простых доярок слово,
Обещали, — так тому и быть.

Знают твердо все в колхозе «Знамя»,
Что доярки их не подведут,
Не напрасно многих орденами
Наградила Родина за труд.

И теперь буквально
В каждом доме
Мы убеждены наверняка,
Что страна Америку догонит
И по производству молока.
Будет вдоволь мяса, масла, сала.
Этому порукой наша честь,
К этому нас партия призвала,
Значит, мы добьемся,
Скажем: «Есть!»

Родина!
Какое это слово!
Сколько в нем душевной теплоты.
Радостного, зримого, земного
Для крылатой песни и мечты.
Сорок славных лет.
Какая дата!
Родина вся в зареве знамен.
А враги пророчили когда-то,
Что и года мы не проживем.

Нет для нас,
Прошедших бури эти,
Твой большой
И трудный путь побед,
Лучшей доли
И судьбы на свете
И другой дороги
В жизни нет!
Вся твоя земля,

моря

и реки,

Люди всех наречий и племен
Братской дружбой
Связаны навеки
В сердце и бессмертии твоём.

Ты растешь и крепнешь
Год от года,
Славя труд людской
И мир земной.

Слава!

Слава

Нашему народу!

Слава!

Слава

Партии родной!

Александр Иванович

ХОЛОДИЛОВ

Александр Иванович Холодильов начал свою литературную работу в редакции районной газеты «Гатчинская правда». Учился в Областной партийной школе.

В настоящее время является собственным корреспондентом газеты «Ленинградская правда».

У ЛУЖСКИХ КОЛХОЗНИКОВ

Зимой в деревне, кажется, нет особо неотложных дел. Но пынче у колхозников хлопоты начались, как только установился санный путь. В поле потянулись подвода за подводой с удобрениями, с первыми морозами люди поспешили за бревнами, заготовленными еще осенью. Теперь, когда колхозное крестьянство вступило в соревнование с Америкой, забот прибавилось. Надо строить новые свинарники, скотные дворы. Они нужны сегодня, завтра, чтобы разместить быстро растущее стадо. Потребовалось больше кормов. О них тоже следует думать заранее. Потому и хлопочут усердно колхозники, зная, что победа не придет сама собой.

У нас в Ленинграде, в историческом зале Таврического дворца, прозвучал впервые смелый вызов Америке. Так могут ли ленинградские колхозники быть во втором ряду борцов за изобилие? Нет!

Куда ни поедешь, всюду на полях штабели торфа, навоза. Одна только Лужская МТС минувшим летом заготовила свыше сорока тысяч тонн торфа, из коих тридцать пять тысяч тонн — компостированного. Механизаторы на свой лад повернули известную пословицу: много на полях торфа — быть хорошему урожаю. А директор МТС Василий Григорьевич Соминич рассказал такой случай. В колхозе имени Дзержинского тракторист на повороте рассыпал торфяную крошку. Заметив это, женщины сложили удобрение в

ведра и отнесли на овощные грядки. Вот как ценят удобрение, вот как борются за урожай колхозники.

Вспоминается прошлогодняя зима. В природе происходила какая-то сумятица. В январе несколько раз выпадали дожди. Но механизаторы, проклиная погоду, возили и возили на поля торф. Старики глядели тогда на едва прикрытую снегом землю и сокрушенно вздыхали: «Нет, не быть урожаю...» Ошиблись вещуны, подвели их приметы. Земля вознаградила труд земледельцев отменным урожаем. Только взять его было действительно нелегко.

Земля... С ней связаны все думы земледельца, который, как правило, живет завтрашним днем. И день грядущий предстает перед ним не в благих помыслах, а в делах он, как метко говорят в народе, начинается сегодня. В этом лишний раз убедило меня собрание животноводов небольшой фермы лужского колхоза «Искра». Ферма эта по показателям — середнячок, таких много в Ленинградской области, а люди ее — обыкновенные советские труженики. На собрание к ним я попал случайно. В райкоме мы встретились с председателем колхоза «Искра» Михаилом Федоровичем Ополченным. Разговорились. Недоволен, жалуется:

— То бюро, то пленум, то актив, и хозяйством заниматься некогда... А вы надолго в наш район? — вдруг заинтересовался он. — Приезжайте-ка завтра в Голубково, интересное собрание будет там. Нет, правда, не пожалеете...

Непонятно: человек только что разносил любителей разного рода заседаний, а тут расхваливает предстоящее собрание. Где логика? Ополченный, заметив мое недоумение, пояснил:

Ферма выполнила годовое обязательство, понимаете? Ну, и хотим подвести итоги, поговорить о перспективах на будущее.

Ах, вот как!.. Любопытно. О Голубковской ферме в Лужском районе наслышаны многие. Она трижды меняла свои обязательства. Вначале голубковские доярки обещали надать по три тысячи килограммов молока от коровы потом, увидев, что силенок хватит на большее, приплюсовали еще по две сотни килограммов. А когда партия бросила клич на мирное единоробство с Америкой, они загорелись душой и сообща обнародовали документ следующего содержания: «...Для того, чтобы перегнать богатеев США в деле получения молока, мяса и масла на душу населения, 1957 год закончим так: к празднику Великого Октября от каждой из 99 коров надоем по 3600 килограммов молока, а до конца года — не менее четырех тысяч. Считаем, что сможем дать государству обещанные сверхплановые сто тонн молока не за год, а к сорокалетию нашей советской власти».

Заведующий фермой В. Я. Яковлев бережно хранит это торжественное обязательство и всегда носит его с собой. Он принял за правило: после вечерней дойки надписывать в графике, сколько килограммов отделяют от заветной цифры. Летом вдруг остаток стал таить быстрее обычного. Что произошло? Ничего особенного. Просто большая группа животноводов (в их числе и председатель колхоза Ополченный) была награждена орденами и медалями, и доярки еще азартнее взялись за дело. На десять дней раньше намеченного срока ферма рапортовала о победе.

Собрание победителей было необычное — без стола, накрытого красным кумачом, даже без заранее приготовленных для сидения мест. Доярки, закончив раздачу кормов, разместились на кормушках. Ополченный и заведующий фермой расположились на маленьких скамейках.

Председатель, не в пример многим докладчикам, говорил недолго и душевно. Когда телятница Федосия Мосендз попросила молодую доярку зажечь свет, Ополченный возразил:

— Сидите, сидите — разглядывать в тетради мне нечего, все цифры я и так помню. Сегодняшнюю газету читали? — спросил он, обводя доярок хитровато прищуренными глазами. — Нет? Зря... Там пишут, что наш колхоз выполнил три годовых плана по сдаче молока государству. Неплохо, а?

Глаза доярок заискрились в улыбке. Серафима Кузьмина, бывший минер, кавалер ордена Красной Звезды и обладательница медали «За отвагу», ответила за всех:

— А мы еще один планчик не прочь осилить. Мы теперь не робкие...

Женщины весело рассмеялись, вполне, видимо, одобряя свою подругу. Председатель не спешил водворить тишину.

— Чего мы достигли? — после минутной паузы продолжал он. — Молока на сто гектаров земельных угодий получим в этом году центнеров четыреста, мяса, думаю, выйдет центнеров за тридцать... Что? Маловато? Ничего, нынче разберемся, а прыжок совершим в новом году. Бычков откормим... Утиную ферму вот уже завели. Жаль, нигде металлической сетки достать не можем, а то могли бы в Югостицкой, Бродской и Госткинской заводах огородить большие участки и содержать там десятки тысяч пекинских уток. Питались бы они озерной пищей, а через два — три месяца забирай отличнейшее мясо. Верно говорю? То-то и оно. Придется, наверное, в совнархоз обращаться, ведь в такой сетке не только мы нуждаем-

ся. У нас в районе свыше двухсот рек и речек, столько же больших и малых озер. Ну-ка, прикиньте по-хозяйски, сколько тут можно птичьего мяса взять? И все же главный упор мы делаем на свиноводство. Убедились, как надо откормом заниматься?

Доярки в знак согласия молча кивали головами. За их молчаливым одобрением скрывался глубокий смысл. Вопрос в такой форме был задан председателем неспроста. К 1960 году район собирается произвести на сто гектаров земельных угодий пятьсот сорок пять центнеров молока и сто три центнера мяса. Планы огромные. А в «Искре» помышляют достичь этих наметок годом раньше. Вот почему важно, чтобы все до одного взялись за дело сознательно, с твердой верой в успех, знали бы как и за счет чего хозяйство будет догонять Америку.

Как-то перед жатвой в «Искре» состоялся семинар председателей колхозов, агрономов и зоотехников. Гости на месте познакомились с организацией соревнования, побывали на скотных дворах, на полях, в летнем лагере для свиней. Всюду они нашли для себя много поучительного. Некоторые жаловались друг другу: вот, мол, рост поголовья скота планируем большой, а размещать его негде. А ведь не в лучшем положении была и «Искра». Но здесь не охали, не вздыхали, а сразу, без раскачки, взялись за строительство. Да как! Коммунисты подняли народ на воскресники, всем колхозом рыли котлованы, возили камень, кирпичи, лес. И вот приехавшие с завистью рассматривают пристройку к типовому свинару в Голубкове на триста голов молодняка, возведенные наполовину стены нового свинарника в Надевицах. Вот что значит сила народная!

Один из председателей сказал тогда Ополченному:

— У вас все делается необычно...

— Друг мой, — возразил горячо тот, — так и задача-то перед нами стоит необычная!

Поражала еще одна деталь: на клеверном поле пощипывали траву... сорок два кругленьких поросенка. Почему сорок два? Если уж начинать откорм на зеленых кормах, то счет следует вести на сотни, тысячу голов. Кое-кто не утруждая себя анализом, рассудил просто: «Не для показа ли оборудован хитроватым председателем маленький поросятчий табор?» Нет, не для показа. Ополченный не меньше других понимал, что мясную проблему старыми методами не решить, что надо переходить на производство дешевой свинины. Зато не все колхозники верили в новую затею. Где это,

мол, видано, чтобы свиньи на одной траве мясо нагуливали? Скептики окрестили лагерных поросят «смертниками», предсказывали им скорую гибель. Но «смертники» жили на одном клевере и прибавляли положенное количество граммов в весе. Некоторые скажут: и чего это председатель посчитался с отсталыми элементами и пошел у них на поводу? Мог бы употребить свою власть, отдать команду, и пускай бы паслось на клеверах не сорок два, а двести откормышей. Но колхозные коммунисты посоветовали Ополченному поступить иначе — убедить заблуждающихся не словами, а делом. Уж тогда наверняка заручишься поддержкой всех колхозников. Председатель, так сказать, ставил пробный опыт, учился сам и учил других. С клевера «смертников» перевели на картофельное поле. Нежданно стряслась беда. Поросята неизвестно отчего стали худеть, а через несколько дней свинарка Зинаида Иванова двух нашла мертвыми.

В чем же дело? — спросите вы. Оказывается, картофель высаживался с одновременным внесением минеральных удобрений, отдельные комочки которых не растворились за лето в почве и, попав в желудок животного, вызывали сильные ожоги и даже смерть. Кому могло прийти в голову такое? Зато теперь, когда на зеленом конвейере будет откармливаться тысяча двести свиней, подобная ошибка не повторится. Наблюдения натолкнули еще на один вывод. Поросята на одном картофеле прибавляют в весе меньше, чем на одном клевере. Причина? В картофеле много углеводов, но мало белков. Стало быть, лучше вести комбинированную пастьбу.

Вот почему доярки и свинарки поддерживали высказанную председателем мысль о том, чтобы выделить в Надевицах для откорма свиней самое лучшее поле у озера Врево и посеять там озимую рожь, травы, посадить картофель. Водопой — рядом.

Ополченный не ошибся, сказав, что собрание будет интересным. Оно не походило на собрание в обычном понимании этого слова, потому что участники его не соблюдали регламента, не принимали резолюций. Каждый высказывал свои мысли и уж если не выступал, то изредка вставлял свое веское слово. Никто не был безучастным, равнодушным. Речь шла главным образом о завтрашнем дне. И с полным на то основанием. Минувший год прожит неплохо. Председатель не без гордости докладывал, что доход артели подвигается к трем миллионам («Из них полмиллиона заработала Голубковская ферма», — вставил дядя Вася), что смета выдерживается, а на трудодень придется рублей по семь только деньгами. Семена есть, корма запасены. Настроение у народа боевое.

Да, поработали хорошо, но не слышно взаимных похвал. Дядя Вася, поддерживаемый бойкой на язык Серафимой Кузьминой, наседает на председателя. Они хотят, чтобы правление поторопилось с созданием культурных пастбищ, по-настоящему позаботилось о кукурузе. Выгоны в колхозе неважные, коровы иногда приходят с расцарапанным о пни выменем.

— Куда это годится! — шумит дядя Вася, беспокойный хозяин фермы. — А кукуруза?! Американцы научились ее выращивать, у них каждый штат имеет свои гибридные семена. А почему у нас не наладят собственное семеноводство? Опытничать надо, искать... Без кукурузы нам все равно не обойтись!

Председатель не отклоняется от острых вопросов. Он отвечает обстоятельно, советуется, что надо сделать в первую очередь. Что касается культурных пастбищ, то они скоро будут. Колхоз осваивает около пятисот гектаров новых земель, на очереди — еще восемьсот. И, вероятно, на ста гектарах земельных угодий вместо пятисот с лишним центнеров молока к концу пятилетки получится семьсот. По мясу тоже ожидаются приятные поправки.

А потом разговор переходит на другую тему. У председателя есть думка, кстати сказать, одобренная активом: в будущем году начать строительство колхозного Дома культуры. Нынче построены детские ясли, красный уголок в одной из бригад. Теперь окрепли, можно браться и за большую стройку. И вот уже завязался спор — спор не о том, надо ли строить колхозный Дом культуры, а где выбрать для него площадку...

...Много дней прошло после того собрания.

Голубковские животноводы выполнили все пункты своего торжественного обязательства, принятого в 1957 году. Дядя Вася вместе с доярками составил уже новое.

— Ферма в нынешнем году будет распечатывать пятую тысячу, — образно выразился он.

Достроен и свиноводник в Надевицах. Летом сюда в лагерь везут более тысячи поросят. Об урожае трав и картофеля для них уже с зимы заботятся полеводы. Цель в «Искре» у всех одна: на год раньше обещанного достичь плановых наметок.

Начало этому положено, разбег сделан. Усердные зимние хлопоты не напрасны: они сулят в новом году много отрадного.

...«Искра» — рядовое хозяйство. То, что достигнуто здесь, может быть достигнуто всеми, без исключения, колхозами северо-западной зоны Российской Федерации, всеми, кто хозяйствует на земле вдумчиво, с расчетом, кто использует с наибольшей выгодой каждый ее гектар.

И. Д. ДМИТРИЕВ

Иван Дмитриевич Дмитриев работал секретарем Лужского райкома КПСС. В годы Великой Отечественной войны был одним из организаторов партизанского движения в Ленинградской области и комиссаром партизанской бригады.

Сейчас И. Д. Дмитриев является заместителем председателя Ленинградского областного Совета.

ДЕВУШКА ИЗ ЛУГИ

Если доведется вам побывать в Луге, живописные окрестности которой густо заселены пионерскими лагерями, не пожалейте времени и непременно посетите старинный городской парк, заложенный, должно быть, еще при жизни Пушкина.

В центре этого небольшого парка, под густой сенью могучих деревьев, низко склонивших свои ветки, похоронены жертвы двух войн, пережитых моим поколением, — гражданской и отечественной. Здесь, рядом с могилами коммунистов-подпольщиков, расстрелянных белогвардейской контрразведкой в 1919 году, и храбрых танкистов, павших в боях за освобождение города зимой 1944 года, вы увидите могилу Антонины Васильевны Петровой или попросту — Тони, как называли ее в партизанском отряде.

Героями не рождаются — героями становятся. Именно так было с Тоней Петровой. Многие, кто работал с ней в лужской комсомольской организации до войны, знали ее как тихую, необычно застенчивую девушку, у которой чуть что вспыхивает румянец во всю щеку. Еще знали, что она отличается упорным и настойчивым характером: уж если возьмется за какое-нибудь дело, то сделает его на совесть, вопреки любым трудностям. Иные из ее комсомольских товарищей могли бы также подтвердить, что Тоня терпеть не может хвастовства, что в ее присутствии лучше не заигрывать — иначе будешь беспощадно высмеян.

Лишь одного никто не мог предположить: что способна наиз Тоня на смелые ратные подвиги, что бесстрашием своим и редкостной находчивостью удивит она даже бывалых воинов, прошедших суровую фронтную выучку.

22 июня 1941 года началась война, а две недели спустя вооруженные до зубов гитлеровские полчища уже подошли к западной окраине района. Запылали пожары в мирных колхозных селах, застонала лужская земля. Враг любой ценой рвался к Ленинграду.

Райком партии стал боевым штабом, объединившим всех честных советских людей. Круглые сутки в тесных райкомовских комнатах не стихала кипучая деятельность.

До чего же много работы навалилось на всех нас в те знойные июльские дни! Надо было эвакуировать промышленное оборудование с предприятий, вывозить в тыл страны женщин и детей, убирать часто под вражеским огнем богатый урожай, тушить бесчисленные пожары, возникавшие после бомбежек города.

И, самое главное, — надо было помогать фронту. Мы создали два истребительных батальона из добровольцев — в один из них записалась и Тоня Петрова, работавшая тогда в райкоме комсомола. Мы начали исподволь готовиться к партизанской борьбе — на тот случай, если фашисты оккупируют наш район.

Однажды, это было в конце июля, меня вызвал командир стрелковой дивизии, оборонявшей Лугу.

— Товарищ секретарь райкома, — сказал генерал, показывая на лежавшую перед ним карту, — нам нужна помощь. Взгляните-ка вот на эту проселочную дорогу...

На карте виднелась хорошо знакомая мне дорога. Ездили по ней главным образом в зимнюю пору да еще в жаркие летние месяцы. Весной и осенью этот глухой проселок страшно раскисал, становясь непроходимым даже для легких конных упряжек.

— Весьма удобная дорога, — усмехнулся генерал, заметив мое недоумение. — Будто специально проложена для того, чтобы противник мог выйти к нам в тылы...

Задание комдива было не совсем обычным. Он просил выслать в эту отдаленную от районного центра местность пешую разведку, которая могла бы незаметно наблюдать за проселком. Если враг вздумает осуществить обходный маневр, разведчики обязаны немедленно предупредить командование об опасности.

— Подберите одного или двух надежных товарищей, — посоветовал генерал в заключение беседы. — Лучше одного. Пусть идет в гражданской одежде, без оружия — так будет незаметнее...

Спустя час в райком партии прибежала Тоня Петрова.

— Вызывали, Иван Дмитриевич?

— Вызывал. Садись, Тоня.

Признаться по правде, я вдруг заколебался, когда увидел Тоню. Маленькая, хрупкая, похожая в своей не по росту большой гимнастерке и грубых солдатских сапогах на беспомощного подростка, она показала мне непригодной для такого серьезного задания. А что, если растеряется, если струсит? Слишком многое зависит от этой разведки — действовать надо без риска ошибиться.

По-видимому Тоня догадалась о моих сомнениях. Еще не зная о чем пойдет речь, она сказала, густо покраснев:

— Поверьте в меня, Иван Дмитриевич, я не подведу...

Это было сказано просто и твердо, как всегда люди прожигают самые свои значительные слова. Нет, такая не подведет, не растеряется в любой обстановке, не струсит!

В тот же вечер, переодевшись в простое ситцевое платье, Тоня Петрова ушла на первое боевое задание. Километров за десять ее отвез райкомовский шофер, а дальше она направилась пешком, рассчитывая за ночь добраться до отдаленного югостницкого колхоза.

Лугу в тот вечер бомбили фашистские самолеты. Всю ночь напролет в райкоме партии шла напряженная работа и никому не удалось сомкнуть глаз. Лишь под утро, оставшись один, я незаметно задремал за письменным столом.

Разбудил меня резкий телефонный звонок. Было без четверти шесть.

— Иван Дмитриевич, это вы? Говорит Петрова, — услышал я взволнованный голос нашей разведчицы. — Слушайте меня: фашисты идут на Лугу, много танков и бронемашин... Записывайте скорей, я не могу долго разговаривать...

— Откуда ты говоришь, Тоня?

— Из Югостиц, из правления колхоза. Здесь никого нет, все убежали в лес. Уже прошло двадцать танков, на бронемашинах сидят автоматчики по пятнадцать человек на каждой... Иван Дмитриевич, я решила...

Что решила Тоня, узнать не удалось: в телефонной трубке пискнула, и связь оборвалась.

Не теряя времени, я поехал на командный пункт дивизии. Генерал, хмурый после бессонной ночи, молча выслушал донесение Тони, несколько не удивившись столь быстрым результатам задуманной им разведки. Затем переспросил о количестве танков, союзных танковых разведчиц, и тут же стал отдавать начальнику штаба необходимые распоряжения.

— Добре, товарищ секретарь! — сказал он с довольной улыбкой, распрощавшись со мной у штабной землянки. — Фрицы думают, что они умней всех, слишком на свое нахальство надеются. Теперь поглядим, кто кого обманет...

Поглядели мы на это скоро.

Неподалеку от южной окраины города фашистская колонна в то же утро нарвалась на засаду. По всему было видно, что вражеские танкисты не сомневались в успехе. Они катили по пыльной проселочной дороге без всяких предосторожностей, как на утреннем марше. И, конечно, сразу ударились в панику, едва прозвучали первые залпы наших пушек. Восемь танков и три бронемашинны вспыхнули подобно гигантским кострам, расстрелянные в упор прямой наводкой. Остальные, поспешно развернувшись, удрали. На поле боя мы насчитали более пятидесяти немецких трупов.

Все это было хорошо, но меня тревожила судьба Тони. Что с ней? Почему так внезапно оборвалась связь с Югостицами? Напрасно было доискиваться ответа на эти вопросы. Ответ могла дать только сама Тоня, а она не возвращалась. И, быть может, никогда больше не вернется.

Во второй половине дня в райком партии заехал комдив. Был он против своего обыкновения весел и оживлен, с удовольствием рассказал все подробности утреннего разгрома фашистской колонны, а собравшись уезжать, вдруг заинтересовался Петровой:

— Как ее фамилия, этой смелой разведчицы? Орел-девка, молодец! Вполне заслужила медаль «За отвагу»...

Я ответил, что, к сожалению, до сих пор нам ничего не известно о судьбе Тони. Генерал нахмурился, помолчал с минуту, машинально постукивая пальцем по краешку стола.

— Ну, что ж, война... А к награде все-таки представляйте...

Бывает же такое! В тот самый момент, когда комдив направился к двери, торопясь к себе в штаб, дверь эта распахнулась и в комнату вошла Тоня Петрова. Живая, невредимая, со своей милой застенчивой улыбкой.

Рассказ ее был краток. Добравшись до Югостиц, Тоня нашла колхозное село опустевшим. Оказывается, накануне в селе побывали фашистские разведчики, застрелили попавшего им на глаза колхозного пастуха, и все местное население, побросав свои дома, скрылось в лесу. Тоня, как мы и условились, решила идти дальше. Она заглянула в колхозное правление, желая проверить — исправен ли телефон, можно ли связаться с Лугой и сообщить о появлении в этой местности врага. Тут она услышала непонятный грохот. По пустынной деревенской улице, мимо окон колхозного правления, мчались вражеские танки. Не помня себя от волнения, забыв о грозящей ей опасности, Тоня начала звонить в райком партии. Договорить со мной ей не удалось: неожиданно возле крыльца правленческого дома остановилась бронемашина с автоматчиками. То ли фашисты увидели Тоню, то ли захотели проверить нет ли кого из руководителей колхоза, но автоматчики поспешно выскакивали из машины.

— Что же вы предприняли? — не выдержал генерал.

— В подвале пришлось спрятаться, — ответила Тоня и залилась румянцем, точно ее уличили в чем-то нехорошем. — Другого выхода не было, товарищ генерал. Ведь оружия мне не дали, что же оставалось делать? Увидела крышку на полу, приподняла ее и сразу захлопнула над собой...

— Правильно! — одобрил комдив. Так и положено разведчику: ни при каких условиях не теряться!

Следом за первым заданием, принесшим Тоне заслуженную славу находчивой разведчицы, она приняла участие еще в двух операциях, бесстрашно проникая в тыл врага и возвращаясь с ценными сведениями. Особенно важными оказались доставленные ею сведения об одном аэродроме, расположенном километрах в тридцати от города.

Но все это были, как говорится в пословице, только цветочки, а ягодки начались позднее.

В середине августа фашистам удалось прорвать фронт и обойти Лугу. Оборонявшие ее войска были вынуждены отходить к Ленинграду.

Таким образом, пришла наша очередь развертывать беспощадную партизанскую войну, уходить в лес, на заранее подготовленные тайные базы, а затем, пользуясь любой удобной возможностью, бить ненавистных оккупантов.

До конца дней своих не забуду того августовского утра. Была звонкая тишина, какую услышишь лишь в глухой предрассветный час, по земле стелились серые тени. Все замерло, все притихло и притаилось в ожидании восхода солнца.

Родной наш город, неузнаваемо обезображенный бомбежками и пожарами, безлюдный, с поваленными поперек улиц телеграфными столбами и выбитыми стеклами в домах, остался позади. В последний раз, не сговариваясь, оглянулись мы на знакомые крыши, сжали крепче свои автоматы и зашагали навстречу новой жизни.

Не стало мирных людей, коммунистов и комсомольцев районного центра, строителей, созидателей, — был отряд партизан, грозных народных мстителей. Молодые и старые, ни разу не державшие в руках оружия, и седоусые ветераны гражданской войны, воевавшие под знаменами Фрунзе и Чапаева, мы поклялись, в тот тяжкий для нас час, обязательно возвратиться в Лугу.

И сдержали клятву. Пусть не всем нам удалось дойти до победы, пусть кровью оплачивался каждый успех отряда и немало прекрасных товарищей пришлось схоронить в безвестных лесных могилах — все равно мы сдержали свою клятву, все равно вернулись победителями.

Но это было много позднее. А по началу, особенно в первые месяцы, когда еще давала себя почувствовать наша неопытность, партизанская жизнь оказалась мучительно трудной. Она требовала от всех бойцов отряда не просто героизма и смелости, этих непременных качеств партизана. Еще важнее было быстро приспособиться к непривычным лесным условиям, действовать изобретательно, смекалисто, неистощимо на всяческую выдумку.

Вот тут-то и раскрылся для нас всех характер Тони Петровой, прирожденного разведчика и следопыта. Замыслы, один другого сложнее и рискованнее, непрерывно рождались в ее голове, заставляя идти на опасные операции.

Сила партизан — в поддержке местного населения. Нет связи с народом — и мы, как без рук, ничего не знаем, ничего не способны предпринять — бесполезные лесные отшельники. И, наоборот, налажены связи, имеются во всех деревнях доверенные люди — мы истинные хозяева положения.

Еще в Луге, готовясь к партизанской борьбе, райком партии кропотливо и обдуманно подбирал надежных помощников для народных мстителей. Теперь надо было связаться с ними, собрать нужные нам сведения о вражеских гарнизонах, дать задания на будущее.

Тоня охотно взяла на себя обязанности связной, каждую ночь уходя из лагеря на «свидания». А ведь это очень нелегко — проникнуть, минуя патрули, в занятую фашистами деревню, разыскать в темноте нужный дом, переговорить с нужным человеком и так же незаметно скрыться. Нужны тут и ловкость, и самообладание, и привычка безошибочно ориентироваться в обстановке. У нашей связной все «свидания» получались удачными. В положенный час, чаще всего на рассвете, она благополучно возвращалась в лагерь, отдыхала в землянке, затем чинила бойцам белье, ухаживала за ранеными, а едва начинало темнеть — снова собиралась в дорогу.

Однажды Тоне не повезло.

Нам нужно было связаться со старостой одной деревни. Это был наш человек, бывший председатель колхоза, беспартийный активист, по решению подпольного райкома пошедший на службу к немцам. Он собрал важные сведения о вражеских гарнизонах и уже несколько дней ждал связного.

Нарядно разодетая, в модных туфельках на высоких каблучках, Тоня ушла в деревню. Идет в открытую по дороге и грызет семечки. Высокие каблочки так же, как и семечки, были нужны для маскировки.

Но случилось так, что не помогла и маскировка. Возле околицы деревни перед Тоней вынырнул из темноты патруль.

— Стой! Кто идет? Куда?

Бежать было поздно — наверняка застрелят. Фашистов двое, оба с автоматами, а у нее никакого оружия. Приняв беззаботный вид, Тоня ответила:

— Известно куда: на гулянье!

Один из патрульных, по-видимому полицей из предателей, говорил по-русски с сильным акцентом. Он подозрительно приглядывался к Тоне, долго рассматривал документы, а потом вдруг принялся обнюхивать ее, как собака.

В этом месте следует пояснить, что длительная жизнь в сырых лесных землянках накладывала на всех нас свой отпечаток. Сколько ни мойся, как ни проветривай вещи, а от нашей одежды, да и от нас самих исходил какой-то специфический запах. Он и подвел Тоню.

— Партизанка! — закричал полицей. — Из леса явилась!

Тоню обыскали и повели под конвоем в деревню, к начальнику гарнизона. Напрасно она возмущалась, разыгрывая роль обманутой любительницы танцев, — полицей твердил свое:

— Партизанка! Мы тебя заставим говорить правду! Ты у нас развяжешь язычок!

Обер-лейтенант, к которому привели Тоню, тоже начал с угроз. Он стучал кулаком по столу, выхватывал пистолет, а под конец вскочил в бешенстве и, схватив девушку за косы, принялся избивать.

Тоня упорно повторяла одно и то же. Она знать не знает никаких партизан, пришла в Сабцы потанцевать и повеселиться, ей говорили, что немцы специально устраивают вечеринки для молодежи. Тогда обер-лейтенант приказал вызвать старосту, того самого, с которым у нее сорвалось «свидание».

Положение Тони осложнилось. «Сумеет ли староста не выдать себя? — думала она с тревогой. — Вдруг растеряется, погубит и себя и меня?»

Староста даже глазом не моргнул, хотя сразу узнал партизанскую связную.

— Известна тебе эта девица? — спросил обер-лейтенант.

— Да их разве всех можно знать, — равнодушно ответил староста. — Много их тут развелось, вертихвосток, приезжий больше народ, без роду, без племени...

Фашист явно заколебался. Чувствовалось, что безразличный тон старосты подействовал на него успокаивающе, вот-вот Тоню должны отпустить. В это время к обер-лейтенанту подошел полицейский и, угодливо изогнувшись, что-то шепнул на ухо.

— Запереть до утра! — распорядился обер-лейтенант. — Завтра отправим в Лугу, в комендатуру — там разберутся, что это за птичка...

Тоню отвели в зерновой амбар. Это была каменная клетка с толстыми стенами и маленьким подслеповатым оконцем, обнесенным к тому же железными прутьями, — о побеге даже и думать не приходилось. А утром ее отправят в Лугу, где навряд ли сумеет она выкрутиться. У ищеек из эсэсовской комендатуры хороший нюх, они быстро выяснят, кто она такая. Затем виселица или расстрел — другого исхода не будет...

Грустные размышления Тони были прерваны самым удивительным образом. Она даже не поверила своим ушам, когда услышала этот разговор немецких солдат.

Говорили вполголоса двое: часовой, охранявший амбар, и еще кто-то, очевидно, подошедший его проведать. Тоня не очень хорошо владела немецким языком, но все же сумела разбрать главное. Оказывается, фашистам известно расположение нашего партизанского лагеря, и завтра вечером они должны окружить его с трех сторон, прижав партизан к берегу озера.

— Капут партизанам, — со смехом сказал часовой. — Ни один не уйдет живым...

— А много их?

— Сколько бы не было — всех перебьем!

Узнав об опасности, нависшей над ее товарищами, Тоня не могла больше ни о чем думать. Любой ценой, любыми средствами она должна предупредить отряд! Но как это сделать? Как вырваться из каменной клетки, в которую заперли ее фашисты?

Оконце черезчур узкое, наподобие старинной бойницы. Вряд ли протиснешься в него, да и железные прутья помешают.

За тяжелой дверью слышались шаги часового. Вот он остановился, чиркает спичкой, прикуривает сигарету. Вот снова зашагал, бормоча что-то себе под нос.

Нет, с побегом пока ничего не выйдет. Значит, остается пастиись терпением до утра. Надо лечь на солому, заставить себя отдыхать. Силы понадобятся завтра, когда ее повезут в Лугу. Только бы не вздумали усадить в закрытую машину...

Заснуть Тоне не удалось.

Нескончаемо медленно, будто нехотя, тянулась долгая осенняя ночь. Вокруг амбара по-прежнему ходил часовой. Изредка он становился вплотную к двери, долго кашлял, прислушивался. Тоня в такие минуты сжималась, как тугая пружина, сдерживала дыхание. Вдруг немец вздумает войти. Тогда она камнем кинется ему под ноги, ошеломит и, пользуясь темнотой, попытается исчезнуть. Но часовой не отпирает двери: или у него не было ключа, или он считал, что задержанная партизанка давно спит.

Лишь утром заскрипел старый замок. Тоню вывели на деревенскую улицу. И тут произошло нечто такое, на что она не могла даже рассчитывать.

Возле крыльца дома, в котором ее допрашивали накануне, стоял, дожидаясь кого-то, староста. Увидев Тоню, он сделал строгое лицо, посторонился и в тот момент, когда она проходила мимо, шепнул, глядя себе под ноги: «у сврага».

Это было сказано чуть слышно, но Тоня едва не вздрогнула от неожиданности, точно выстрелили у нее над ухом. С лихорадочной поспешностью начала она соображать, что могут означать эти слова старосты.

В полутора километрах от деревни, действительно, имелся овраг. Отлогий, густо заросший кустарником, с маленьким ручейком, бегущим по его дну. Что же произойдет у этого оврага? Помогут ли ей здесь освободиться или, быть может, она сама должна воспользоваться этим местом для побега?

Тоне очень хотелось оглянуться на старосту, проверить не подает ли он ей каких-нибудь знаков, но она сдержала свое желание. «У оврага» — это все, что успел ей шепнуть верный друг, рискуя попасть в беду. Стало быть, большего он не мог сказать. Теперь она предупреждена и будет действовать. Главное, чтобы ее повезли в открытой машине, а уж выпрыгнуть на ходу она сумеет. Пусть стреляют в догонку — не всякая пуля достигает цели.

Тоню отправили в Лугу пешком. То ли не было в гарнизоне свободных машин, то ли обер-лейтенант решил, что не стоит рисковать горючее из-за какой-то девчонки, которую все равно должны расстрелять, но повели ее два конвоира — вчерашний полицай и еще один автоматчик, хмурый и небритый.

— Не вздумай чудить! — пригрозил полицай. — Застрелю без всяких разговоров!

Вышли они из деревни в девятом часу утра. Полицай, взявшись за автомат, висевший у него на животе, шествовал впереди, за ним — Тоня, за ней — хмурый автоматчик. У околицы, рядом со скотным двором, им повстречался староста, разговаривавший с белобрысым подростком.

— Я же тебе русским языком объясняю: нарубишь жердей в овраге! — громко говорил староста подростку и при этом взглянул на Тоню, как бы желая убедиться в том, что его сигнал правильно понят.

Конвоиры не обратили внимания на эту сцену. Мало ли какие распоряжения может отдавать староста, доверенный человек немецкого командования? Для Тони же она была еще одним подтверждением: бежать нужно именно в овраг, там ей помогут, староста что-то замышляет.

На ходу Тоня обдумывала план побега. Правильнее всего, порывавшись с перекинутым через овраг мостом, прыгнуть под чокос. Заросли кустарника там густые, пока фашисты придут в себя, она успеет скрыться. Надо только правильно рассчитать прыжок, не подвернуть ногу. Хорошо, что она догадалась еще в амбаре сбросить свои туфли на высоких модных каблучках, в таких туфлях далеко не уйдешь...

Вот и мост впереди. Сердце Тони учащенно забилось. Она шла, опустив голову, боясь, как бы не заметили ее волнение, шла и считала шаги. Мост совсем близко, сейчас надо прыгать...

Дальнейшее произошло с молниеносной быстротой. В тот момент, когда Тоня, стремительно рванувшись, прыгнула в овраг, раздался выстрел. Полицай, вскинувший было автомат, рухнул на дощатый настил моста. Второй конвоир свалился в придорожную канаву и открыл беспорядочную стрельбу.

Всего этого Тоня уже не видела. В кровь ободрав себе руки, лицо, колени, она кубарем катилась на дно оврага. Не встретила она и того мужественного советского патриота, что помог ей бежать своим метким выстрелом. Позднее стало известно: это был колхозный сторож Матвей, отличный стрелок, бесстрашно выполнявший задание старосты.

В партизанский лагерь наша разведчица прибежала после полудня. В изодранном платье, босая, растрепанная, разукрашенная синяками и кровоподтеками.

Надо ли рассказывать о том, что сведения, которые принесла Тоня, помогли нам избежать боя в невыгодных условиях. Не прошло и часа, как весь отряд перебазировался на другое место, оставив врагу лишь пустые землянки.

Партизанские разведчики, заранее выбравшие удобные для наблюдения позиции, рассказывали потом, как фашисты... атаквали покинутый нами лагерь. Операция карателей была тщательно продумана и развешивалась по правилам военного искусства. Сперва открыли огонь многочисленные минометы, затем с трех сторон ринулись в лес сотни автоматчиков. Нетрудно представить их ярость, когда выяснилось, что партизаны сумели скрыться! В добавок, на дверях одной из землянок каратели обнаружили приколотую наспех записку с довольно язвительным текстом — это наши остроусловы решили поиздеваться над обманутым врагом и сообща сочинили нечто вроде письма запорожцев турецкому султану....

Эта история произошла в конце сентября. С тех пор карательные отряды фашистов уже не оставляли нас в покое. Конечно не записка, приколотая к дверям землянки, была тому причиной, а более серьезные обстоятельства.

Враг на себе чувствовал беспрерывно возрастающую активность партизан. В первые дни своей лесной жизни мы бывали вполне удовлетворены, если нам удавалось обстрелять одиночную вражескую машину или заминировать ночью проезжую дорогу, — еще давала себя знать неопытность. Но скоро наши люди закались в борьбе, начали действовать смело и уверенно.

Почти ежедневно мы устраивали засады, подстерегая фашистов в самых неожиданных местах. Затем развернули «войну на рельсах» — под откос полетели эшелоны с техникой и живой силой врага, идущие к фронту.

Понятно, что гитлеровское командование не на шутку встревожилось. Вдобавок из Берлина была получена строгая директива за подписью самого Гитлера — немедленно и любой ценой уничтожить партизанские отряды.

По всей округе принялись шнырять вооруженные до зубов карательные экспедиции. Колхозные деревни, заподозренные в поддержке партизан, безжалостно сжигались. Отовсюду шли страшные вести о виселицах и массовых расстрелах мирных жителей района.

Нелегко пришлось партизанам в ту пору. Все чаще вступали мы в кровопролитные бои с врагом, нападали сами на немецкие гарнизоны, стараясь захватить карателей врасплох, отбиваясь от неожиданных нападений. И все чаще хоронили своих погибших товарищей.

В одной из таких стычек оборвалась жизнь Антонины Васильевны Петровой, нашей смелой разведчицы, нашей общей любимицы Тонечки.

Случилось это 4 ноября 1941 года, в холодный и пасмурный день рано наступившей зимы.

Каратели напали на партизанскую базу внезапно, убив часового ножевым ударом в спину. Первой заметила их Тоня, сидевшая возле погасшего костра. Вражеская цепь приближалась крадучись, короткими перебежками от дерева к дереву — фашистам хотелось захватить партизан врасплох.

Опасное ремесло разведчицы приучило Тоню действовать без промедлений. Она знала, что большинство ее друзей только вернулось с длительной и тяжелой операции, только начало отдыхать в землянках. Если их не предупредить об опасности, гибель станет неминуемой.

Вскочив, Тоня метнула в карателей гранату. Это был сигнал тревоги, поднявший на ноги весь лагерь. Услышав разрыв гранаты, партизаны выскакивали из землянок. Завязалась перестрелка.

В самом начале боя Тоню ранили. Кровь заливала ей лицо, левая рука повисла плетью. И все же, несмотря на мучительную боль, она продолжала отстреливаться до последнего патрона.

— Русс, сдавайся! — кричали ей фашисты.

В ответ Тоня посылая пулю за пулей. Вот выскочил из-за укрытия рослый гитлеровец и в ту же секунду упал, сраженный метким выстрелом партизанской разведчицы. Вот рухнул лицом в снег еще один, рискнувший подползти слишком быстро.

Но врагов было слишком много. Они лезли все более нахально, стараясь разъединить партизан на изолированные группы, они окружали со всех сторон высокую сосну, за которой укрылась Тоня.

Наступил критический момент. Или смерть, или позорный плен — другого выхода не было. Тоня предпочла смерть. Когда остался всего один патрон, она прижала холодное дуло пистолета к сердцу и спустила курок.

Такова история жизни и гибели нашей Тони, смелой партизанской разведчицы.

Бой, в котором она погибла, недешево обошелся нашему отряду, но не означал его гибели. Мы продолжали бороться.

Спустя полгода, в апреле 1942 года, наш радист принял Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном награждении Антонины Васильевны Петровой высоким званием Героя Советского Союза. Сняв шапки, мы молча почтили светлую память нашего товарища.

А через два с половиной года наш отряд, вернее это был уже не отряд, а партизанская бригада, вернулся с победой в родную Лугу.

Литературная запись **А. САПАРОВА.**

Нина Ивановна ВАСИЛЬЕВА

Я родилась в 1937 году в г. Пушкине Ленинградской области. Во время войны была в Ленинграде, а затем эвакуировалась на Урал. В 1946 году приехала в дер. Немолва Шильцевского сельсовета, где живу до сих пор. Закончила Шильцевскую среднюю школу и осталась работать в совхозе «Рассвет».

В 1956 году в «Крестьянской правде» был опубликован мой рассказ «Снова в семье», присланный на конкурс. Рассказ получил вторую премию.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ирина Петровна наводила порядок в своем доме. Алла и Саша помогали матери. Семья готовилась, как к большому празднику, к приезду главы семьи — Бориса Аркадьевича Антипова.

А началось все во время войны. Когда немцы напали на нашу Родину, Борис Аркадьевич, как и миллионы других мужчин, оставил свою семью и ушел на фронт. Изредка семья получала от него весточку — треугольник со штампом «войсковое».

Однажды, во время наступления наших войск, в деревне, где жила Ирина Петровна, остановился танковый полк, и командир полка Павел Георгиевич Алехин попал на постой в дом Ирины Петровны. Когда он увидел молодую хозяйку, его охватило волнение. Вскоре он понял, что встретил именно ту женщину, о которой мечтал всю свою холостяцкую жизнь.

Полк простоял в деревне три месяца. Но только за несколько дней до отправки, когда Ирина Петровна осталась одна, Павел открыл ей свою тайну.

— Делайте со мной, что хотите, но я вас люблю! — заключил он свое признание и опустил голову.

Ирина Петровна менее удивилась, чем испугалась. Ей самой сильно нравился этот серьезный, скромный, умный и тихий чело-

век. Она тоже опустила голову, а когда подняла ее и посмотрела ему в лицо, глаза рассказали о ее чувствах.

...Наступило время прощания. Павел Георгиевич, целуя бледное и мокрое от слез лицо Ирины, взволнованно говорил:

— Жди меня, жди! Только смерть помешает мне вернуться к тебе.

Он уехал. На следующий год у Ирины Петровны родился сын. Она назвала его Сашей.

От мужа по-прежнему изредка приходили письма. Ирина Петровна аккуратно отвечала ему, умалчивая о том, что произошло с ней. Ей казалось, что мужа она больше не любит, что эту любовь отнял Павел Георгиевич. От Павла она получила разом два больших теплых письма, а потом от него очень долгое время не было никаких известий.

И вот однажды почтальон принес конверт, адрес на котором был написан незнакомым почерком. Сердце Ирины Петровны сжалось в предчувствии беды. И оно не обмануло. На небольшом листочке было написано, что командир полка Павел Георгиевич Алехин героически погиб в боях под Орлом...

Свет померк. Ирина не плакала, но еле стояла на ногах.

Впервые с момента знакомства с Алехиным Ирина поняла, какую непоправимую ошибку совершила в своей жизни. Что будет с детьми? Как она объяснит мужу, когда тот вернется домой? Простит ли он ее?

Эти вопросы больно отзывались в сердце. Ирина Петровна решила написать мужу и все без утайки рассказать о случившемся. Она села за стол и написала мужу письмо, самое трудное письмо в своей жизни.

Быстрее, чем обычно, с фронта пришел ответ. Ирина пролила письмо. В нем Борис Аркадьевич, называя ее на вы, сообщал, что бы Ирина Петровна не ждала его, что он к ней не вернется...

Кончилась война. После демобилизации Борис Аркадьевич уехал на Урал. В небольшом городке он устроился на работу и жил одиноко, тяжело переживая разрыв с семьей. Он не забывал аккуратно высылать деньги дочери.

Время летело. Обида, нанесенная женой, стала мало-помалу забываться. Борис Аркадьевич все чаще и чаще стал думать о дочурке Аллочке, тосковать по родным местам. Его неудержимо потянуло домой.

Однажды, придя с работы, он нашел в почтовом ящике письмо, написанное детским почерком:

«Здравствуй, дорогой папа. Пишет тебе письмо твоя дочь Алла. Папа, почему ты так долго не едешь домой? Мама часто плачет.

Пишу о нашей жизни. Я учусь в третьем классе. Учусь неплохо. В школу ходить далеко, и я очень устаю. Саша в школу еще не ходит, он сидит дома с бабушкой. Мама работает в колхозе бригадиром. Бабушка все болеет. Вот и все. До свидания. Целую. Твоя дочь Алла. Приезжай скорее».

Бесхитростное письмо ребенка возводило Бориса Аркадьевича. Он долго думал о всем случившемся и чувствовал, что любит жену по-прежнему, но боится сам себе признаться в этом. Еще сильнее он любил свою дочурку и тосковал по ней. Сразу же Антипов написал дочери ответ, но только ни словом не обмолвился о возвращении домой.

Между отцом и дочерью завязалась переписка. В каждом письме Алла настойчиво звала его домой и все спрашивала, почему он не приезжает. Борис Аркадьевич и сам стал задумываться над этим. По письмам дочери он понимал, как трудно Ирине.

— Приеду к ним! — в сотый раз прикидывал он в уме, — а там чужой мальчишка, вечное напоминание о прошлом. Язык не повернется назвать его сыном. А чем он виноват? А назвал бы дочкой Аллу тот, танкист, если бы, если бы?...

А далеко от Урала, в маленькой деревушке, семиклассница Алла продолжала ждать отца. Она не помнила его и знала только по фотокарточкам. Ей всегда казалось, что отец у нее хороший, мужественный и добрый человек. Она терпеливо ждала, когда он приедет. Но он не ехал. Теперь уже Алла с полным правом могла спросить у своей матери:

— Почему папа живет где-то на стороне?

Что могла ответить Ирина, скрывавшая свою боль и тревогу от дочери.

И вдруг с Урала пришла телеграмма: «Выезжаю. Встречайте. Борис».

...К этой-то встрече и готовилась вся семья. Уборка окончена. Все расставлено по своим местам. Стол накрыт белой скатертью, посредине стоит вазочка с розами. Кругом все блестит от чистоты.

Часы пробили пять. Пора идти к автобусной остановке. Ирина Петровна, испуганная и обрадованная, надела зимнее пальто, повязала шерстяной платок и, волнуясь, вышла из дома.

— В гости или насовсем? — думала она.

Алла и Саша не находили себе места. Время тянулось. Они то и дело выбегали на улицу посмотреть, не идут ли папа и мама.

Пошел снег, стемнело. В деревне зажглись огни. От волнения Алла устала и прилегла на кровать. Саша сидел у окна, поминутно поглядывая на улицу. Вдруг раздался его крик: «Идут! Идут!». Алла вскочила с кровати и, не помня себя от радости, побежала открывать дверь.

В избу вошли двое: мать и отец. Лицо Ирины Петровны было заплаканное, но радостное. Они обо всем уже успели поговорить. Алла вскрикнула: «Папа!» и бросилась к нему. Слезы градом капались по ее щекам. Девочка их не вытирала, ей было не до них. Перед ней стоял ее родной отец, о котором она столько думала, которого в каждом письме звала домой. Она целовала его, гладила лицо и густые черные волосы.

— Борис, — тихо сказала Ирина Петровна.

Выпустив из объятий дочку, Борис Аркадьевич обернулся и увидел Сашу. Мальчик стоял у печки, молча глядя на незнакомого дядю.

Борис Аркадьевич улыбнулся и, протянув мальчугану руки, громко сказал:

— Здравствуй, сынок!

Потом поднял его на руках, прижал по-отцовски тепло и ласково к своей груди и заплакал.

В этот вечер в доме Антиповых дольше обычного, до рассвета не угасал огонек.

Иван Павлович

АНТОНОВ

Родился в 1912 году в г. Череповец, ныне Вологодской области. Отец погиб на фронте в 1914 году. Мать работала уборщицей и прачкой в детских домах города Луги. Детство провел в деревне Лопанец Лужского района у бабушки. Здесь же окончил начальную школу, затем Лужский педагогический техникум. 18 лет работал в школах Ленинградской области. Участвовал в финской, польской кампаниях и Отечественной войне.

В боях за Ленинград получил тяжелое ранение. Награжден орденом Красной Звезды и медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Писать начал давно, однако серьезно литературой стал заниматься только последние два года.

Стихи печатаются в газетах «Крестьянская правда», «Юный ленинец», «Ленинские искры», «Советская Россия», в журнале «Костер».

ЗОВ ЗЕМЛИ

(Глава из поэмы)

Лучами солнца начал стричь
Лесную синь восход...
Идет лесник Евсей Кузьмич
В очередной обход.
О нем в народе говорят:
— Своим умом живет,
Из мужиков, учет цыплят
По осени ведет.
Идет Евсей в лесной обход
По долгу лесника.
Его приветствует народ,
Когда Евсей Кузьмич идет —

видать издалека.
На поводке ушастый пес,
Двустволка за плечом...
Зима ушла с дороги в плес
Серебряным ручьем.
Ушла и в заводи ворчит
На раннюю весну.
На солнце греются грачи,
Атаковав сосну.
Идет заслуженный солдат
Партийный человек.
Кто солнцу вешнему не рад,
Не рад разливу рек?
А у него в груди тоска
И сердце болью жжет.
Шумит и пенится река,
Бурлит и крошит лед.
Земля горит:
И лес горит
В сиянии лучей!
Евсей махоркою дымит
И смотрит на грачей.
— Примета русская верна,
Живи и замечай:
Не прозевай весну — весна
На крыльях у грача.
Галдят, решили гнездовать
Артелью на сосне.
Пора бы супеси пахать,
Сколоть в ложбинах снег,
Покрывший озимь.
Коркой льда,
Как учит агроном.
Родной колхоз,
Но вот беда —
Порядку мало в нем...
Идет с попутным ветерком
Евсей Кузьмич Фомин.
Он вырос здесь
И всем знаком
(крестьянин, ставший лесником,)
И многим он с родни.
Зайди к любому —

Будет рад,
Тут — шурин, там — свояк.
Найдется чарка:
— Пей, солдат!
— Закусывай, земляк!
Но как упрек обидный — лесть:
— Умно живешь, умно,
Хребет не гнешь, копейка есть
И вишни под окном...
Борок, Заречье, Озерки —
Большой родной колхоз.
Под талым снегом ручейки
стремятся в синий плес,
Журча, обходят стороной
Гнилые пни в лесу
И вместе с раннею весной
Из рощи запах смоляной
В речной поток несут.
Река бурлит и дыбит лед,
Клокочет и дымит...
Силен колхоз, когда народ
Одним стремлением живет,
Одной мечтой горит.
Весенний фронт по всей стране,
И чувствует Евсей,
Что он по собственной вине
Стоит от жизни в стороне,
В тени лесных ветвей.
— Нет, что доля не моя —
Душа другим живет.
Земля!
Родимая земля,
Морщинка каждая твоя
Меня к тебе зовет!
Ушастый пес на поводке
На вырубку тянул.
Евсей спустил его к реке
И к дому повернул.
Пришел в избу —
Ружье на гвоздь!
И заявил жене:
— Тоска грызет
И сушит кость,

В родном селе
Я, словно, гость,
К лицу ли это мне?!
Бродить с ружьем,
Клеймить дрова,
Считать гнилые пни...
Поймешь ли ты
Мои слова?
В нутро мое взгляни!
Я первый трактор заводил
На супеси в Борках,
На фронт отсюда уходил.
Огонь в моих руках —
Они тоскуют по земле.
Не мне быть лесником...
И в полдень, радуясь весне,
Евсей ушел в райком.

* * *

Я стихи пишу
И дом рублю.
Критик говорит:
— Несовместимо.
Где ему, сухому горбылю,
Разобраться в том,
Что в жизнь мою
С песней труд вошли неразделимо.

В СУМЕРКАХ

В клубе вспыхнул огонек.
Зазвенела улица.
От ботинок и сапог
Лед хрустит и жмурится.
Ветерок балтийский свеж,
И луна на небе —
Хочешь, ломтиками режь,
Как пшеничный хлебец.
Лапки елочной хвой
У крыльца разложены.

— Стой, закурим, соловьи!
В клубе не положено.

Парень шубу расстегнул,
Подмигнул девчатам:
— Говорят, вчера луну
Первый спутник сватал.

— Что ж ответила луна?
— Что ж она ответит...
Во второго влюблена,
За него и метит...

Тают девичьи сердца,
Щеки розовеют.
Наши парни у крыльца
Пошутить умеют.

ПЕРЕВОДА НЕ НАДО

«Хинди-руси, бхай-бхай!»
Перевода не надо.
Эта теплая фраза
Вошла в бытие,
Как Цимлянская ГЭС.
И метро Ленинграда,
Как стихи,
Взволновавшие сердце мое.
У России хватает
И солнца и хлеба.
Мы гостей принимаем
В палатах Кремля
И хотим одного:
Чтобы синее небо
Не затмила война,
Не стонала б земля.
Миру — Мир!
А народам всех рас и наречий
Откровенная, братская
Дружба нужна.

Не хочу, чтобы сын
Был, как я, искалечен,
Не хочу, чтоб узнал,
Что такое война!

НАЧАЛО ПЕСНИ

Слушая сюиту Мурадели
На московской радиоволне,
Я лежу, прикованный к постели,
С мыслями о мире и войне.
День прошел,
И вечер на исходе.
Вспыхнули на небе облака.
Карандаш каракули выводит,
Ноет перебитая рука.
Ощущаю боль в колене правом,
Несмотря на то, что нет ноги.
С кровью и костями в болоте ржавом
Я свои оставил сапоги.
Смерть меня в бою не одолела,
Захлебнувшись кровью,
Прочь ушла.
Может быть, она не доглядела?
Чересчур уверенной была,
Что солдат погиб?
Но суть не в этом.
Мысль ложится огненной строкой, —
Значит, песня будет!
И с рассветом
Родина услышит голос мой.

Валентина Михайловна

БИНКЕВИЧ

Родилась в 1908 году в городе Гатчина Ленинградской области в семье бухгалтера. Училась до 1923 года. С детства у меня было стремление к поэзии и музыке. Интерес к стихам не пропал и сейчас. Некоторые из них печатались в газете «Гатчинская правда» в 1951 — 53 гг.

Являюсь членом Лужской литературной группы с 1956 года.

О ПОЭЗИИ

Люблю тебя, поэзия родная,
За красоту твоих простых речей,
За песни, за мечты, за юный праздник мая,
За то, что ты всегда в душе моей!
Я жизни вольное люблю течение,
И мысли нескончаемый поток,
И труд и радость вдохновенья,
И первый распустившийся цветок.
Все то, что в жизни дарит нам природа,
Пусть с песнями сольется навсегда.
Для дружбы и любви, и радости народа
Гори, поэзии счастливая звезда!

Евгений Ильич

БУДРАК

Е. И. Кудрак родился в 1921 году в г. Уфе. В начале 30-х годов приехал в Лугу. Закончил здесь десятилетку и с 1939 г. работал литературным сотрудником газеты «Крестьянская правда».

В Великую отечественную войну находился на фронте, был демобилизован после тяжелого ранения.

За заслуги перед Родиной Е. И. Кудрак награжден двумя орденами Красной звезды и медалью «За победу над Германией».

Несколько лет был старостой литературной группы при лужской редакции.

Писать стихи начал в раннем детстве, печатался в различных газетах и журналах.

Преждевременная смерть в 1958 году оборвала творческий путь Е. И. Кудрака.

Родной дом

В старину приметы были в силе.
Слышал я: под окладной венец,
Если новый дом кому рубили,
Клади зерен, шерсти и монет.
Чтобы тем, кто жить в том доме станет,
Вдоволь было хлеба и тепла.
Серебро звенело бы в кармане,
От порога прочь нужда ушла.
Это, видно, мало помогало,
Потому что до советских дней
Сколько голодало, холодало
На Руси трудящихся людей!
В Октябре они впервые в мире,
Заложив коммуны светлый дом,
Два декрета — о Земле и Мире
Основаньем положили в нем.
Как мечты заветной воплощенье,
Он стоит — родной советский дом,
Партии великое творенье.
И живут счастливо в доме том.

И Ю Л Ь

В лугах по пояс травы,
Заря звенит косой.
Идет июль кудрявый,
Веселый и босой.

Работал он недели,
Про отдых позабыв..
Под ноги ветер стелет
Ему колосья нив.

Гремит грозы телега
Под радугой-дугой.
Июль по лужам бегать
Зовет ребят с собой.

Зовет в лесные дали,
Зовет в поля, луга,
Где сладко задремали
Высокие стога.

А В Г У С Т

Белые черемухи стали черноглазыми,
Ребятишки в яблоки вечерами лазали.
Лес, пропахший сыростью,
По утрам туманится.

Много белых вырастить,
Видимо, старается.
Видел — в дальней просини,
Солнце взяв корзиною,
Бабье лето с осенью
За грибами двинулись.

Аркадий Георгиевич

ГАВРИЛОВ

Родился в 1931 году в Новгороде. Детство прошло среди памятников русской старины.

В 1954 году окончил экономический факультет Московского университета. С тех пор сменил несколько профессий: был библиотекарем, фининспектором.

Стихи пишу с четырнадцати лет. Они печатались в «Крестьянской правде», в которой я работал литсотрудником.

Д о ж д ь

Пред тем, как вздумала вода
Дождем с небес на нас пролиться,
Запели басом провода
И разом потемнели лица.
Соломинки пустились в пляс —
И каждый миг ряды их множит.
А курица своих цыплят
Со страху сосчитать не может.
Но что уж куру порицать —
Собаки в подворотню лезут..
Вот кто-то — видимо, в сердцах —
С размаху трахнул по железу,

Потом еще и, разъярясь,
Сорвал и бросил об землю крышу —
И будто пушечный заряд рванул...
А в небе — словно вышит
Финифтью — сказочный цветок
В секунду — быстро распустился,
Завял... И паровой каток
Опять по крыше прокатился,
И снова трахнуло — уже
На этот раз гораздо ближе...
На стеклах капелек драже...
И вот — косые струи лижут
Дорогу теплую — на ней
Готовы выемки под лужи —
Они смыкаются тесней,
Они становятся все туже!
Трава свой первородный цвет
Принять спешит — и дождь торопит...
Бежит — укрыться в сельсовет —
Босая баба по дороге.
А дождь шумит! А дождь поет!
В кювете пенится бурливый
В миниатюре Терек... Пьет
Земля, жаждавшаяся, ливень,
Глотками жадными взахлеб
Хватает нити струй косые...
И рады все за лен, за хлеб,
За свой колхоз и за Россию!

* * *

Странно — любим именно тех,
Кого не трогает это ничуть.
Выработать бы иммунитет
Против неразделенных чувств!

Жанна Михайловна

БАВЕЛЬСКАЯ

Родилась и росла в Ленинграде в семье служащих. Окончила среднюю школу, позже — медицинский институт. Год блокады провела в Ленинграде.

В настоящее время работаю врачом при санатории «Жемчужина».

Песня Робсона

«Широка страна моя родная!»

Робсон Поль в Америке поет,

И ему восторженно внимает

На борьбу поднявшийся народ.

На душе у каждого светлеет,

Ярче взгляд и выше голова.

И встают бесправные смелее

За свою свободу и права.

Полисмены, слыша песню эту,

Чувствуют бессилие свое.

А она звенит-гремит по свету,

И народы слушают ее

С верой и надеждою крылатой,

Что свободы солнышко взойдет...

И дрожат сенаторы в палатах —

Робсон Поль «О Родине» поет...

Леонид Александрович ДЯТЛОВ

Родился я в 1940 году в деревне Лорви-
лово, Тосненского района, Ленинградской обла-
сти. Во время войны, когда отец ушел на фронт,
с матерью переехал в Лужский район, где живу и
сейчас.

Стихи начал писать рано, но впервые мое
стихотворение «По родному краю» напечатали
в 1955 году в газете «Ленинские искры».
С того времени поэзии стал уделять больше вни-
мания. Сейчас занимаюсь в лужской литератур-
ной группе.

Моя мечта — окончить Ленинградский уни-
верситет и стать журналистом.

Нынче окончил 10 классов Шильцевской сред-
ней школы.

Здравствуй, зима!

В дымке утра серо-синей
Бледно светится восток.
На опавших листьях иней.
Застеклил мороз прудок.

Хрусталем покрылись лужи.
Воздух чист, прозрачен, сух.
Закружились в зимней стуже
Стаи первых белых мух.

На дубах стрекочут сойки
От зари и до зари.
У дороги скачут бойко
Огневые снегири.

Дни зимы все ближе, ближе,
Но у нас печали нет:
Доставай коньки и лыжи!
Отдохни, велосипед!

Поздняя осень

Облетела с кленов позолота,
Дождь неугомонный моросит,
Раскатилась клюква по болотам,
И брусника гроздьями висит.

Бархатная озимь зеленеет
Осени лихой наперекор.
Ветер воет резче и сильнее
И тревожит полусонный бор.

Иногда посеребрят немного
Листья пожелтевшие мороз,
Льдом затянет лужи на дороге,
Ущипнет исподтишка до слез.

Убран хлеб.
Ушли с полей машины.
Журавли торопятся на юг.
И краснеют кисти у рябины —
Поздняя краса в лесном краю.

Снова в школе

Осень с подарками вышла богатыми —
Золото сыплет с ветвей.
Снова сошлись мы сегодня с ребятами
Около школы своей.
Девять часов.
Мы притихли за партами.
Скоро учитель войдет.
Здравствуй, с тетрадками, книжками, картами,
Трудный, но радостный год!

Зимний вечер

Я люблю от села в стороне
Встретить вечер с багряным закатом,
Прокатиться на лыжах по скатам,
Пробежать по безвестной лыжне.

Рад я русской морозной зиме
И ее молодому задору.
Все объездив лощины и горы,
Отдыхая, стою на холме.

Здесь вчера бушевала метель,
Тонут рощи в волшебном наряде.
Принакрыла зеленые пряди
Дорогою косынкою ель.

Пням пушистые шапочки роздал
Добродушный мороз-старичок.
В небе месяца лопнул стручок.
И горохом рассыпались звезды.

Тропинка

Вьется, вьется тропка полевая
Через клевер, жито и покос.
Я иду, ботинками сбивая,
С придорожных трав алмазы рос.
Летний вечер дедом бородатым
Опустился на земь отдохнуть...
А тропинка все бежит куда-то...
Будет ли конец ей где-нибудь?
Хочется спросить ее нестрого:
«Ты куда задумчиво бредешь?»
Милая тропинка, на дорогу
Или в глушь лесную заведешь?»

Олег Петрович ЕЛИСЕЕВ

Я родился 1938 году в г. Ленинграде в семье рабочего.

В 1940 году переехал в Лужский район и жил в деревне Горка Бутковского сельсовета.

С 1953 года живу в г. Луге.

В школу пришел в 1948 году. Сейчас оканчиваю 10-й класс.

Стихи начал писать с 1952 года. Пока нигде не печатался.

Ночи мартовской синька
Снег в лесу залила,
И тумана косынка
Под осинник легла.

В небе ясном и чистом,
Словно в лунный рожок,
Просвистел голосисто
Паровозный гудок.

И погас над сосною
Звезд мерцающий свет.
Я пришел за весною —
Песней встретить рассвет.

Михаил Михайлович САМОДУМОВ

Населенный пункт Сабицы, пожалуй, самый отдаленный от Луги. Места те называли «средневым углом» или «журавлиным краем». Деревню окружают большие массивы лесов и болот. В этом краю в 1913 году и родился я.

В 1933 году вступил в литературный кружок, а через год в газете напечатали мой рассказ «Дед Яша и комсомолцы». Позже, долгое время, кроме заметок, ничего не писал.

Во время Отечественной войны в дивизионной газете напечатал пять—шесть стихотворений. Сейчас продолжаю писать стихи и басни. Являюсь членом литературной группы. Работаю литературным сотрудником в газете «Крестьянская правда».

Трактор 223

По широким фронтовым настилам
В рокоте и лязге тягачей
Двигалась вперед большая сила
Через сотни неспанных ночей...
Все прошло...
Давно пора иная.
По полю шагаю до зари,
Вижу, трактор залежь подымает —
Друг войны, мой 223.
Может, я ошибся?
Нет.
Он.
Точно!
На боку осколка вижу след.
Неустанный труженик-сверхсрочник
Рвется в бой,

Хотя войны и нет.
Паренек ведет его умело,
На прицепе — солнечный восход.
И кричу я радостно и смело:
— Друг мой фронтовой не подведет!

Кошка и котенок (Басня)

Весьма заботливая кошка
Всю жизнь считала сына крошкой.
Кормила, нежила, ласкала,
Ничем его не утруждала.

— Вот рыбка, мясо, вот сырок,
Покушай, миленький сынок.
Потом воробушка поймаю,
Ты птичек любишь, это знаю.
Схожу за мышкой в огород...
(И так всю жизнь из года в год!)

Наевшись вкусного на славу,
Сыночек ныл капризно: «Мяу!»
Я бегать не могу — одышка,
Неси скорее, мама, мышку». —
К амбару кошка через сад —
И тащит сыну двух мышат.

И мы родителей знавали:
Вот так же сына воспитали —
Разжеванное клали в рот,
И вырос сын, как этот кот.

Евгений Викторович
АЛЕКСАНДРОВ

Я коренной лужанин. Только начинаю свой самостоятельный путь. В 1957 году закончил среднюю школу. Работал во 2-м стройуправлении.

Писать стихи начал в школе и с 1954 года посещаю литературную группу при редакции районной газеты.

Мечтаю поступить на восточной факультет Ленинградского университета.

В П Е Р В Ы Е

Могучий трактор, громохая, вздрогнул,
Рванулся и, ритмично застучав,
Послушно вышел прямо на дорогу,
И вот уже ворота миновал.
Не в силах скрыть восторга и смущенья,
Мальчишка гимнастерку расстегнул.
Ему казалось, он не на учебе —
В колхозе поднимает целину.
Пускай в кабине не совсем привычно,
Пускай неловко сделан поворот —
Сегодня он не вышел, как обычно,
А выехал впервые из ворот!

Федор Александрович
НАЗИМОВ

Родился в 1925 году в семье крестьянина д. Подберезье, Лужского района. В годы войны потерял зрение. Но мне помогли стать полезным членом общества. В 1947 году устроили на работу в Учебно-производственный комбинат № 3.

Нынче окончил среднюю школу рабочей молодежи. Хочу поступить в вуз.

Очень интересуюсь литературой и иностранными языками.

Наша Луга

Известно, как чудесно летом
У нас под Лугой отдыхать.
Прекрасней мест для цели этой
Для ленинградцев не сыскать.

Здесь речек плавное течение
И гладь зеркальная озер,
И широко свои владенья
Простер вокруг сосновый бор.

Компанией, в уединенье
В бору приятно погулять
И полной грудью с наслаждением
Смолистым воздухом дышать.

Здесь исцелят от всех недугов
Вас солнце, воздух и вода.
Что говорить, а нашей Лугой
Гордиться вправе мы всегда!

Валентин Иванович ЗЕРЦАЛОВ

Уроженец г. Острова. Долго жил в Пскове и хорошо знаю этот город.

В годы гражданской войны находился в рядах Красной Армии. Воевал с белополяками, под Перекопом, участвовал в ликвидации банды Махно.

До 1931 года работал в экспортно-импортной конторе готорга. В последующий период и сейчас — на преподавательской работе.

В Луге живу с 1944 года после эвакуации с Урала. Интересуюсь историей нашего города и района, собираю об этом материалы. Был директором местного краеведческого музея. Состою членом лужского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Недавно меня избрали действительным членом географического общества Академии наук СССР.

ЗАМЕТКИ КРАЕВЕДА

НАШ КРАЙ

Лужский район — один из крупнейших в Ленинградской области. Он расположен в ее юго-восточной оконечности и граничит с Новгородской и Псковской областями. Протяженность района с севера на юг около 86 км, с запада на восток — 60—65 км.

Город Луга расположен в 137 км от Ленинграда по железной дороге. Высота над уровнем моря 104 м. Рельеф района и местности, где расположен город, — слегка возвышенная холмистая равнина. Отдельные участки (Шильцевские высоты) поднимаются над уровнем моря на 155 метров.

На территории района протекает около 282 больших и малых рек. Самая большая из них Луга. Ее протяженность — 346 км. Она впадает в Финский залив. На ней стоят два города: Луга и Кингисепп. Второй по величине рекой в районе является Плюсса.

Ее длина 285 км. Плюсса впадает в реку Нарву. На реке Плюссе стоит город Сланцы. Большими являются также реки Оредеж, Сабба, Ячера, Пагуба, Вердуга.

В районе около 235 озер. Самые крупные из них — Черемнецкое (наибольшая глубина его — 27 метров), Врево (глубина 51 м), Раковическое (31 м), Меревское и Сяберское (16 м).

Поверхность района — результат работы ледника, спускавшегося со Скандинавского хребта. Почвенный покров состоит из желтого песчаника, ледникового наноса, лежащего на коренной породе белых кварцевых песков. Наличие белых песков говорит о том, что когда-то на территории района было расположено Двиновское море. Это подтверждается окаменелостями водорослей, которые и сейчас находят в карьерах кварцевых разработок.

В течение года в районе преобладают западные и юго-восточные ветры. Средняя годовая температура воздуха 3,9 градуса тепла. Среднее годовое количество осадков — 560 мм. Меньше всего осадков, как правило, выпадает в феврале (24 мм), больше всего — в августе (82 мм).

Близость Балтийского моря, Чудского озера и большое количество своих озер смягчает температурные колебания и увеличивает количество выпадающих осадков.

Наибольшее количество осадков, как правило, наблюдается в конце вегетационного периода, что создает трудности в уборке урожая.

В основном же климат района прекрасный. Большая отражательная способность желтых песков делает лето в Луге и окрестностях более теплым, чем в других районах области. Обилие хвойных лесов (около 155 тысяч гектаров, чуть не половина всей площади района) делает воздух города и окрестностей особенно полезным для человека. Летучие смолистые вещества, выделяемые сосной, в еловом и вересковом, обладают свойством окисляться на воздухе, образуя нестойкие соединения, выделяющие озон. Кроме того, смолистые вещества хвойных лесов оказывают целебные действия на организм человека и обладают дезинфицирующими свойствами.

Все это делает район наиболее благоприятным местом для отдыха и лечения людей. Неудивительно, что на территории района расположено много пионерских лагерей, домов отдыха, санаториев. Луга и ее окрестности, даже после открытия специального курортного района на Карельском перешейке, по праву считается у трудящихся Ленинграда одним из лучших мест для отдыха и лечения.

На территории района много ключей (кипунов). Некоторые из них обладают целебными свойствами, но незаслуженно забыты в наши дни. Так, например, в памятной книжке Санкт-Петербургской губернии, изданной в 1905 году, говорится о двух сокольниковских ключах, расположенных на левом берегу реки Наплютинка. Из воды этих ключей некий предприниматель Якубовский приготавливал раньше газированные и минеральные воды. Первый источник давал воду слабокислой реакции. Из второго источника получали железистую воду с содержанием железа 36 проц.

Из полезных ископаемых района в большом количестве встречаются кварцевые пески (Луга-П, Наплютинка, Плоское), идущие в стекольное и зеркальное производство; глины ленточные (Слапня, Толмачево, Бетково) — высококачественное сырье для кирпича и черепицы; известняки (Конезерье, Клабутицы, Поддубье); кварцевые пески — для формовочного производства; белые глины, жажа, доломит (разновидность гранита) и сапропель.

Наряду с обыкновенными представителями растительного мира наш район богат лекарственными растениями. В довоенное время некоторые из них — крушина, валериановый корень, ликопоций и др. в большом количестве заготавливались для нужд отечественной медицины и даже экспортировались за границу.

В лесах района много грибов, особенно белых (боровиков). Из угод преобладают малина, клюква, брусника, черника, гонобобель.

Животный мир района разнообразен. Из года в год увеличивается количество лосей. Есть дикие козы, кабаны. Много белок, куниц, уссурийского енота, барсука. Разводится ондатра. Из хищников водятся волки, медведи, рыси. В районе развито кроотовство.

Большая часть территории Лужского района и сам город Луга входили ранее в состав владений Великого Новгорода, которые простирались на севере до Онежского и Ладожского озер; на западе — до берегов Финского залива, а весь восток до Уральских гор составлял колонии Новгорода.

Великий Новгород объединил вокруг себя славянские и друженственные им племена. О заселенности территории Лужского района именно славянами говорят, в частности, названия ряда деревень и урочищ, происходящие от древнеславянского корня («Подгорье», «Короблево», «Заплюсье» и т. д.). Население нашего района в большинстве своем потомки псковских кривичей (древние славянские племена). По имени их произошли названия многих деревень района (Раковичи, Естомичи).

О реке Луге впервые упоминается в летописях Нестора в 947 году. Еще тогда княгиня Ольга «ходила» с дружинами по реке

Луге и собирала дань с племен, проживающих на ее берегах. В те отдаленные времена наша Луга была полноводной большой рекой. По берегам ее росли дремучие леса. Беря начало недалеко от Новгорода и впадая в Финский залив, Луга, помимо основного пути из «варяг в греки», являлась одним из главных и удобных речных путей, по которому новгородцы торговали с Западом.

В 1384 году (XIV век) для защиты этого водного пути от нападения врагов новгородцы построили на реке небольшую крепость. Предполагается, что она находилась при впадении реки Вревка в Лугу (в том месте, где сейчас расположено кладбище). Крепость эта была обнесена каменной стеной.

На территории теперешнего Лужского района находилось много монастырей, разрушенных впоследствии литовцами и шведами.

Основание Череменецкого монастыря относится ко временам царствования царя Ивана III-го. Его название происходит от Череменецкого озера. Происхождение этого слова нашими лингвистами объясняется от слова «чорма», что значит возвышенная местность. Череменецкий монастырь в XVII веке был разрушен шведами и снова восстановлен.

Городецкий монастырь в летописях упоминается в 1592 году. Он также был разрушен шведами и упразднен в 1764 году. В селе Сяберо находился Сяберский мужской монастырь. Он был взят литовцами и разрушен до основания в 1581 году.

И крепость на реке Луге и монастыри в районе являлись, как бы опорными оборонительными пунктами Великого Новгорода против частых набегов литовцев и шведов.

На территории нашего района имеется много курганов, сопок и городищ тех отдаленных времен. Есть предположения, что и на полях нашего района дружины Александра Невского отражали нападения чужеземцев. Большое древнее городище имеется около деревни Русыня (Коломенецкая гора).

Последующие сведения о Луге относятся уже к более позднему периоду. Так, известно, что в 1777 году Екатерина II, путешествуя в Новороссию (земли, завоеванные Потемкиным на юге Украины), останавливалась в Луге. Во время этой остановки императрица повелела своему секретарю, князю Храповицкому: близ урочища, где река Вревка в Лугу впадает, учредить город Лугу и населить его всеми, кого с места сволочь можно (т. е. людьми, не имеющими недвижимого имущества).

В 1778 году был утвержден план города с 8 улицами, 13 переулками и одной площадью. В первые два года после указа Екатерины II в новом городе были построены перковь, городское училище (здание 4 семилетней школы), городское казначейство (в

наши дни там размещаются нарсуд и милиция) и здание почтового двора. Все строения сохранились до наших дней.

Варшавское шоссе (почтовый тракт из Петербурга на Киев) проходило мимо здания почты, (ныне базарный переулочек и проспект Володарского) и называлось Ковенским или Линабургским. Через каждые 30 км на этом тракте находились почтовые станции.

До 1781 года Луга находилась в Псковском наместничестве. В 1800 году население города составляло 367 семей. Это был заштатный уездный городок старой России.

В дни отечественной войны 1812 года в нашем районе около поселений Долговка и Яшера (как сообщается в памятной книжке Петербургской губернии) были проведены «высочайшие опробованные работы» по возведению оборонительных сооружений. Русское военное командование опасалось движения боковых французских корпусов к Петербургу и закрывало неприятелю путь.

В 1857 году Луга была соединена железной дорогой с Петербургом. Численность населения города резко возрастает. К 1897 году здесь насчитывается уже около 6 тысяч жителей. В городе и его окрестностях строят дачи возводят имения и дворцы петербургская знать и предприниматели.

Немало крупных русских ученых, известных деятелей искусства и литературы посетили наш город, жили вблизи его, восторгаясь красотами лужских мест.

Проездом в нашем городе останавливался сосланный в село Михайловское великий русский поэт А. С. Пушкин. Здесь он прожил несколько дней. Луге тех времен А. С. Пушкин посвятил известные строки:

«Есть в России город Луга

Петербургского округа.

Хуже не было б сего

городишки на примете,

Если б не было на свете

Новоржева моего».

В 1837 году через Лугу в село Михайловское ночью провезли тело Пушкина убитого царскими палачами.

В литературных изданиях упоминается о пребывании в лужском крае (1803 г.) одного из выдающихся русских ученых, академика Василия Михайловича Севергина, крупного минералог и химика. Великий русский хирург Николай Иванович Пирогов проживал в 1842 году на даче в деревне Выбор (территория теперешнего Раковенского сельсовета).

Крупный советский астроном, почетный член Академии наук

СССР Сергей Павлович Глазенап (1848 — 1937 гг.) производил научные наблюдения над звездами не только в Петербурге, но и в деревне Домкино (теперешний Городецкий сельсовет). В настоящее время его имя носит начальная школа, построенная им.

Известные русские художники конца XIX века И. И. Шишкин и И. Н. Крамской проводили лето (1872 г.) в усадьбе Снорской, близ станции Серебрянка. Пейзажи нашего края отражены во многих произведениях этих мастеров живописи, особенно в полотнах Шишкина.

В 1875 г. в Луге проживал поэт Надсон. Около станции Серебрянка в 1887 г. жил великий русский сатирик Салтыков-Щедрин.

В течение длительного времени жил в нашем районе великий русский композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844—1908 гг.). Впервые он приехал в имение Стелево (Конезерский сельсовет) в 1880 году. С первого дня приезда в Стелево Н. А. Римский-Корсаков приступил к работе над оперой «Снегурочка».

Необходимо отметить, что окружающая природа местного края благотворно отразилась на творчестве великого композитора.

Весь набросок оперы «Снегурочка» был окончен к 12 августа. Сам автор говорит: «Ни одно сочинение до сих пор не давалось мне с такою легкостью и скоростью, как «Снегурочка».

В 1882 году здесь же, в Стелеве, Н. А. Римский-Корсаков заканчивает оперу Мусоргского «Хованщина». Через 5 лет он снова возвращается в наш район. Композитор поселяется в бывшем имении Спицыно (ныне дом отдыха «Луга» на берегу Неладского озера). Здесь он пишет «Испанское каприччио», работает над завершением оперы Бородина «Князь Игорь».

В дальнейшем каждое лето, вплоть до 1892 года, Н. А. Римский-Корсаков отдыхает в имении Нежговицы («Красный вал»). Здесь он пишет известные музыкальные произведения: «Шехеразада», увертюру «Светлый праздник», «Мазурки» для скрипки с оркестром на три польские народные темы.

В общей сложности Н. А. Римский-Корсаков жил в окрестностях Луги в течение 16-летних периодов. Все свои величайшие произведения он создавал среди природы нашего края.

Проживал на территории нашего района и великий русский ученый изобретатель радио Александр Степанович Попов. Летние месяцы 1902 — 1904 гг. он проводил с семьей на даче близ станции Прображенская (ныне Толмачево).

Любимым занятием А. С. Попова в свободное время была фотография. Он с увлечением снимал окрестности станции, виды реки Луги.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
И. Антонов Луга — поэма	3
А. Холодилов У лужских колхозников — очерк.	11
И. Дмитриев Девушка из Луги — рассказ.	17
Н. Васиљева Возвращение — рассказ.	30
И. Антонов Зов земли — глава из поэмы	34
В сумерках, Перевода не надо,	37
Начало песни — стихи	39
В. Бинкевич О поэзии — стихотворение	40
Е. Кудрак Родной дом, , Июль, Август — стихи	41
А. Гаврилов Дождь, Странно — любим именно тех...—стихи	43
Ж. Бавельская Песня Робсона — стихотворение	45
Л. Дятлов Здравствуй, зима! Поздняя осень,	46
Снова в школе, Зимний вечер,	47
Тропинка — стихи	48
О. Елисеев Ночи мартовской синька... — стихотворение	49
М. Самодумов Трактор 223 — стихотворение	50
Кошка и котенок (басня)	51
Е. Александров Впервые — стихотворение	52
Ф. Назимов Наша Луга — стихотворение	53
В. Зерцалов Наш край — заметки краеведа.	54